

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1989

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Э. Р. ТЕНИШЕВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИРГИЗОВ И ИХ ЯЗЫКА

Один из доводов в пользу гипотезы о центрально-азиатском происхождении киргизов и их языка кроется в лингвистическом материале.

Вне всякого сомнения, языки енисейских киргизов и современных тянь-шаньских киргизов в тюркской языковой семье находятся в позиции дальнего родства. Но, если будет возможно показать их преемственную связь, тогда, очевидно, можно показать и связь этническую. Современный киргизский (и литературного и диалектного типа) язык достаточно известен, что, естественно, нельзя сказать о языке енисейских киргизов, поскольку их народный (диалектного типа) язык исчез вместе с этносом с арены истории. Остается единственный путь — восстановить исчезнувший язык.

В языкознании уже накопился опыт реконструкции не существующих ныне языков [1—3]. Возможны два направления этой лингвистической работы: восстановление отдельных черт языка и реконструкция целых блоков в фонетике и парадигматических рядов в морфологии (т. е. реконструкция «всего языка»).

Разница между тем и другим путем чисто количественная. Одинакова и методика. Все зависит от состояния источников. Если источники хранят только некоторые реликтовые явления, то удастся восстановить лишь отдельные черты языка. Если же источники таят в себе целые структуры, то можно с их помощью воссоздать и языковые фрагменты большой протяженности.

Во втором случае, оперируя взаимно связанными единицами, лингвист может воспользоваться правилом корреляции явлений, что повышает точность и надежность реконструкций. Реконструкция основных строевых звеньев не существующего ныне языка древних киргизов (кыргызов) идет в русле второго направления. Литературный (точнее: ритуальный) язык древних киргизов (VIII—XII вв.) известен по памятникам рунического письма бассейна р. Енисей. По классификационным признакам это был *д-язык* (*адак* 'нога' и *қод-* 'положить'). Теория литературных языков утверждает, что литературный язык не всегда тождествен народно-разговорному (диалектного типа): он может быть языком той же системы, что и разговорный, но не близкого родства или же языком совершенно другой системы.

Есть основания полагать, что у древних киргизов литературный и народно-разговорный языки не совпадали, а занимали позиции отдаленного родства: если литературный язык был *д-языком*, то народно-разговорный был *з-языком* (*азақ* 'нога', *қоз-* 'положить'). Что представлял собою народно-разговорный язык древних киргизов? В 1952 г.,

публикуя енисейские тексты, С. Е. Малов писал, что из тюркологов никто и никогда не высказывал мысли об отношении народного и письменного языка киргизов древнего времени, материала для этого нет [4. С. 5].

Думаю, что в настоящее время такой материал уже существует. Это, прежде всего, язык киргизов провинции Фууй (КНР) [5; 6. С. 88—95], потомков древних киргизов (переселившихся сюда с хакасского Алтая), являющийся основным источником для реконструкции. Добавочные источники: язык сарыг-югуров, усвоивших, несомненно, язык древних киргизов [7; 8], родственные языки хакасов, шорцев, чулымских тюрков. Материала вполне достаточно, чтобы получить ясное представление о народно-разговорном языке древних киргизов, которые являлись господствующим этносом в своем государстве (VII—VIII вв.) и впоследствии вошли в состав ряда тюркоязычных народов: хакасов, тувинцев, киргизов и др. [9. С. 30—31]. Возникают следующие задачи:

1 — восстановить основные звенья фонетической и морфологической структуры древнекиргизского языка;

2 — проследить развитие древнекиргизского языка в среднекиргизский и связь этих языков с современным киргизским языком;

3 — ответить на вопрос о возможности участия древнекиргизского этноса как основного из компонентов в процессе сложения этноса современных киргизов по данным языка [10. С. 4—5].

Древнекиргизский язык диалектного типа характеризовался набором следующих строевых черт.

В области фонетики:

1. Долгие гласные: *ā, ы, ō, ū, ē, и, ө, ү*. Долгие гласные встречаются в языке киргизов Фууй: *аас* 'рот', *жиит* 'юноша', *муус* 'рог' [5. С. 8—9]. Такой тип долготы (производной) существует в сарыг-югурском [7. С. 10], хакасском [11. С. 18—21] и шорском [12. С. 10—12] языках.

2. Последовательная нёбная гармония и зачатки сильной губной гармонии (огубление широких негубных). Именно такое состояние гармонии гласных сохранил язык фууйских киргизов [5. С. 25]. То же самое можно видеть в языке сарыг-югуров [7. С. 39—41]. В хакасском языке нёбная гармония гласных проявляет себя и в основе и в словоформе, губная же гармония ограничивается узкими *у, ү* и действует только в пределах основы [11. С. 22—25]. Для шорского языка характерно то же состояние: последовательная нёбная гармония и ограниченная губная гармония (только узкие губные и пределы слога) [12. С. 13—15].

3. В начале слов перед узкими и широкими гласными была звонкая аффриката *ж*. Язык фууйских киргизов: *жир* 'земля', *жун* 'мыться', *жеерин* 'газель, джейран', *жаан* 'слон' (исключения редки) [5. С. 17, 14]. Для сарыг-югурского языка характерен начальный *й*, в виде исключения *ж* появляется только перед гласными переднего ряда (*жицнэ* 'игла') [10. С. 36], — в данном случае сарыг-югурский сохранил *й* из древнеуйгурского языка. В хакасском языке в начале слов — аффриката *ч*, являющаяся ступенью оглушения *ж* [11. С. 34], в шорском языке в начале слов также аффриката *ч*, которая иногда (в говоре шорцев р. Кондомы) чередуется со смычным *т'* (*т'оқ/чоң* 'нет') [12. С. 18].

4. Перед широкими гласными (заднего ряда?) был сонант *н*. Начальный *н* встречается в языке фууйских киргизов: *номуртга* 'яйцо', *намūr* 'дождь', *нан-* 'возвращаться' [5. С. 14—15]. В сарыг-югурском языке эта особенность отсутствует, что было свойственно и древнеуйгурскому языку (*й* вм. *н*). Начальный *н* встречается в хакасском и шор-

ском языках в той же группе слов, что и в языке фуюйских киргизов [11. С. 37; 12. С. 18—19].

5. В середине имен встречался звонкий *з*. В этой позиции *з* присутствует в фуюйско-киргизском: *гозын* 'заяц', *азах* 'нога' [5. С. 16], сарыг-югурском: *азгыр* 'жеребец', *пезык* 'большой', *езер* 'седло' [10. С. 36], то же — в хакасском [11. С. 33], шорском [12. С. 17] и чулымско-тюркском [13. С. 99] языках.

6. Звонкий *г* в середине слов (между гласными) выпал, что вызвало вторичную долготу (см.: 1). Серединный *г* сохранился только в сарыг-югурском, очевидно, как вклад древнеуйгурской подосновы: *агыр* 'тяжелый', *ахыс* 'рот' [10. С. 171, 174].

7. В конце глагольных основ следует допустить звонкий *з*. Конечный *з* в глагольных основах встречается в языке киргизов Фуюй: *гиз* 'одевать' [5. С. 45], в сарыг-югурском: *қоз* 'лить', *кез* 'одевать' [10. С. 36], в шорском — *кес* 'одевать' [12. С. 17].

8. В конечной позиции слов был звонкий *г*. Звонкий *г* в конце слов встречается в языке киргизов Фуюй: *дах* ~ *даг* 'гора' [5. С. 13], в сарыг-югурском: *йаг* 'масло', *таг* 'гора' [10. С. 181, 215], в шорском: *таг* 'гора', *улуғ* 'большой' [12. С. 16], в чулымско-тюркском: *чазаг* 'пешком' [13. С. 99].

В области морфологии:

1. Множественное число с показателем *-лар/-лер, -дар/-дер, -тар/-тер*.

В языке киргизов Фуюй множественное число образуется таким же способом: *-лар/-лыр, -дар/-дыр, -тар/-тыр* [5. С. 25]. В сарыг-югурском языке к этому ряду добавляются варианты с начальным *-н*, но отсутствуют варианты с узкой гласной: *-лар/-лер, -дар/-дер, -тар/-тер, -нар/-нер* [10. С. 49—51]. В хакасском и шорском языках число вариантов меньше: *-лар/-лер, -тар/-тер, -нар/-нер* [11. С. 61—62; 12. С. 38—39].

2. Форма принадлежности с личными показателями:

Ед. ч.

I *-ым/-ум*

II *-ың/-уң*

III *-ы/-сы, -у/-су*

Мн. ч.

-быс/-бус

-ыңар/-уңар, -иңер/-үңүр

-ы/-сы, -у/-су

В языке киргизов Фуюй парадигма принадлежности имеет следующий вид [5. С. 26]:

I *-(ы)м*

II *-(ы)ң*

III *-(з)ы*

-(ы)быс

-(ы)ңар/- (ы)ңыр

-(з)ы

В сарыг-югурском языке под влиянием китайского языка парадигма принадлежности деформировалась — от нее остались только формы II и III л. [10. С. 51—52]:

I *-ң*

II *-ң*

III *-ы/-сы, -у/-су*

}

ед. и мн. ч.

Форма принадлежности для I л. (*-м*) сохранилась только в фольклоре [10. С. 52]. В хакасском языке парадигма принадлежности совпадает с парадигмой в фуюйско-киргизском [11. С. 64—65]. В шорском языке (говор низовья р. Мрассу) наблюдается лабиализация гласного аффикса, а II л. мн. ч. образуется по схеме: *-лар+ың* [12. С. 48—50]. Огубление гласного аффикса происходит в чулымско-тюркском языке [13. С. 61].

3. Склонение: неопределенный, родительный, дательный, местный, исходный падежи:

1) неопределенный падеж в древнекиргизском не имел формального выражения, как в языках киргизов Фуюй, сарыг-югуров, хакасов, шорцев, тюрков Чулыма и в других тюркских языках;

2) родительный падеж, показателями которого были *-ның/-ниң, -дың/-диң, -тың/-тиң, -нуң/-нүң, -дуң/-дүн, -туң/-түң*. В фуюйско-киргизском языке родительный падеж является шестивариантным: *-ның/-ниң, -дың/-диң, -тың/-тиң* [5. С. 26]. В сарыг-югурском языке — те же показатели [10. С. 55]. В хакасском литературном языке родительный падеж образуется двумя вариантами по линии согласных и двумя — по линии гласных: *-ның/-ниң, -тың/-тиң* [11. С. 68]. В сагайском диалекте к этому ряду добавляются аффиксы с начальным *-д* (*-дың/-диң*), а в качинском диалекте — варианты с узкими губными *у, ү* (*-нуң/-нүң, -туң/-түң*) [11. С. 68]. В шорском языке аффикс родительного падежа имеет двенадцать вариантов: *-ның/-ниң, -нуң/-нүң, -дың/-диң, -дуң/-дүн, -тың/-тиң, -туң/-түң* [12. С. 40—41]. В чулымско-тюркском языке восемь вариантов, половина из них — с губными гласными [14. С. 17];

3) дательный падеж с показателями *-қа/-ке, -ға/-ге, -а/-е*. Язык киргизов Фуюй имеет два ряда вариантов по линии широких и узких гласных: *-ға/-ғы, -ха/-хы, -а/-ы* [5. С. 26]. В сарыг-югурском языке — шесть вариантов: *-ға/-ге, -қа/-ке, -қа/-ке, -а/-е* [10. С. 55]. В хакасском и шорском языках аффиксы дательного падежа подобны: *-ға/-ге, -қа/-ке, -а/-е* [11. С. 69—70; 12. С. 42—43], то же — в чулымско-тюркском [14. С. 32];

4) винительный падеж с аффиксами *-ны/-ни, -ды/-ди, -ты/-ти, -ну/-нү, -ду/-дү, -ту/-тү*. В фуюйско-киргизском языке показатели винительного падежа *-ны/-ни, -ды/-ди, -ты/-ти* [5. С. 26]. В сарыг-югурском языке показатели совпадают с предыдущим [10. С. 56]. В хакасском языке отсутствует пара *-ды/-ди* [11. С. 70]. В шорском языке — обилие вариантов: *-ны/-ни/-ну/-нү, -ды/-ди/-ду/-дү, -ты/-ти/-ту/-тү* [12. С. 41—42];

5) местный падеж имеет показатели *-да/-де, -та/-те*. В фуюйско-киргизском есть варианты по линии узкого гласного: *-да/-ды, -та/-ты* [5. С. 26]. В сарыг-югурском, хакасском и шорском языках показатели одни и те же: *-да/-де, -та/-те* [10. С. 56; 11. С. 71—72; 12. С. 43—44]. В чулымско-тюркском языке — восемь вариантов, половина из них с губными гласными [14. С. 24];

6) исходный падеж с двумя рядами аффиксов (по линии широких и узких гласных): *-дан/-ден, -тан/-тен, -нан/-нен и -дын/-дин, -тын/-тин, -нын/-нин*. В языке киргизов Фуюй представлен только один ряд с узкими гласными [5. С. 26]. В сарыг-югурском языке существуют оба ряда аффиксов, но ряд с узкими гласными встречается редко [10. С. 57]. В хакасском и шорском языках показатели падежа кончаются на *-ң*: *-даң/-дең, -таң/-тең, -наң/-нең* [11. С. 72—74; 12. С. 44—45]. Это изоглосса местного южно-сибирского ареала. В чулымско-тюркском языке падежный аффикс выражен восемью вариантами: *-дын/-дин, -дун/-дүн, -тын/-тин, -тун/-түн* [14. С. 46].

В рассматриваемых языках есть еще формы, относимые к падежам. В языке киргизов Фуюй — это направительный падеж на *-сар/-сарых* [5. С. 26—27]. В хакасском он представлен четырьмя вариантами: *-сар/-сер, -зар/-зер* [11. С. 74]. В качинском диалекте хакасского языка аффикс имеет усеченный вид: *-сā/-сē, -zā/-zē* [11. С. 74], а в сагайском диалекте, наоборот, — полный: *-сары/-сери, -зары/-зери* [11. С. 74]. Последний вариант проливает свет на происхождение аффикса: *сары* — самостоятельное слово со значением «сторона» в роли послелога, см.: древнетюркское *сары* [15. С. 488]. Изоглосса направительного падежа в фуюй-

ско-киргизском и хакасском носит ограниченный, южно-сибирский характер и не может быть реконструирована в древнекиргизском.

Такой же изолированный характер имеют сравнительный падеж на *-даг/-дег* в сарыг-югурском и шорском [10. С. 57; 12. С. 84] и орудный падеж на *-пыла/-па* — в шорском [12. С. 45—46] и *-была/-пыла* — в чулымско-тюркском [14. С. 32] языках.

4. Спряжение: времена — прошедшее, настоящее, будущее. Для выражения прошедшего действия — три формы:

1) прошедшее категорическое время с аффиксом *-ды/-ди/-ду/-дү, -ты/-ти/-ту/-тү* + личные окончания (*-м, -ң; -быс, -ңар*), в III л. мн. ч. — *-ыты*.

В языке фуюйских киргизов прошедшее категорическое время образуется посредством аффиксов *-ды/-ди, -ты/-ти* [5. С. 31]:

Ед. ч.	Мн. ч.
I <i>бардым</i> 'я ходил'	<i>бардыбыс</i>
II <i>бардың</i>	<i>бардыңар</i>
III <i>барды</i>	<i>барды(лар) ~ барышты</i>

В сарыг-югурском языке под влиянием китайского языка пропало личное оформление: лицо обозначается аналитически [10. С. 92].

Хакасская парадигма полностью повторяет фуюйскую [11. С. 208], кроме одной детали: в III л. мн. ч. отсутствует форма типа *барышты*.

В шорском языке показатель прошедшего категорического времени имеет и варианты с губными гласными, кроме говоров шорцев р. Кондомы и верховья р. Мрассу, где лабиализация гласного аффикса ослаблена, факультативна [12. С. 180—181];

2) прошедшее неопределенное время с показателем *-ыптыр/-иптир, -уптур/-уптүр* + личные окончания (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В языке киргизов Фуюй парадигма времени представлена с усеченными составляющими [5. С. 31]:

Ед. ч.	Мн. ч.
I <i>бартырмин</i> 'я ходил'	<i>бартырбыс</i>
II <i>бартырсың</i>	<i>бартырсыңар</i>
III <i>бартыр</i>	<i>бартыр</i>

Первоначальный состав формы был *бар-* (основа) + *ып* (деепричастие) + *тур-* (вспомогат. глагол) + *мин* (показатель лица). В языке фуюйских киргизов мог произойти следующий процесс: *барыптурмин* > *барыттурмин* > *барытырмин* > *бартырмич* (показатель деепричастия на *-и* исчез). В сарыг-югурском языке ввиду отсутствия личных окончаний парадигма свелась к форме типа *мен сатыптро* 'я продал' [10. С. 94—95]. Прошедшее на *-ыптар* с полной парадигмой представлено еще в хакасском языке как форма прошедшего «заглазного» на *-тыр* [12. С. 218—219];

3) прошедшее результативное время на *-ған/-ген, -қан/-кен* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В языке киргизов Фуюй парадигма времени имеет следующий вид [5. С. 31]:

Ед. ч.	Мн. ч.
I <i>барғанмин</i> 'я ходил'	<i>барғанбыс</i> > <i>барғабыс</i>
II <i>барғанзың</i>	<i>барғанзыңар</i>
III <i>барған</i>	<i>барған</i>

В сарыг-югурском языке парадигма времени состоит из одной словоформы типа *мен оңшеғантро* 'я читал' [10. С. 93—94].

В хакасском языке прошедшее результативное время образуется посредством аффиксов *-ған/-ген* (после основ на гласные и звонкие согласные, кроме *Ғ, ғ, н*), *-хан/-кен* (после основ с конечными глухими согласными) и *-ан/-ен* (после основ с конечными *Ғ, ғ, н*) [11. С. 210—212].

В шорском языке для образования прошедшего результативного служат аффиксы *-ған/-ген, -қан/-кен* [12. С. 182—184]; то же — в чулымско-тюркском языке [16. С. 64—66];

4) прошедшее длительное на *-чух/-чүх* + личные аффиксы (*-нын/-сың; -ныс, -сыңар*). В хакасском языке это время образуется с помощью аффиксов *-чых/-чик, -цых/-чик*, как это видно из следующей парадигмы [11. С. 221]:

Ед. ч.	Мн. ч.
I <i>тастачыхпын</i> 'я бросал'	<i>тастачыхпыс</i>
II <i>тастачыхсың</i>	<i>тастачыхсар</i>
III <i>тастачых</i>	<i>тастачыхтар</i>

Так же образуется прошедшее на *-чык* в тувинском языке [17. С. 377—379].

Происхождение этой формы времени связывают с древнеуйгурской формой прошедшего времени на *-йуқ* [18. С. 97—115; 19]. Формы прошедшего обычного на *-чаң* в хакасском [11. С. 212—216] и шорском [12. С. 184—187], прошедшего определенного на *-чатхан* в хакасском [11. С. 216—218] и форма совершенного действия на *-ғалах* в хакасском [11. С. 220—221] и *-ғалақ* в шорском [12. С. 191] и чулымско-тюркском [16. С. 66—67] языках ареально ограничены и не могут быть возведены в древнекиргизский.

Для выражения действия, совершающегося в настоящий момент, служит следующая форма. Настоящее время данного момента по схеме: основа + деепричастие *-ып* + вспомогат. глаголы *жүр-/жәт-/отур-/тур-* + аффикс времени *-а* + личные показатели (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В языке киргизов Фуюй парадигма времени имеет следующий вид [5. С. 31]:

Ед. ч.	Мн. ч.
I <i>бартурмин</i> 'я иду'	<i>бартурбыс</i>
II <i>бартурсиң</i>	<i>бартурзыңар</i>
III <i>бартур</i>	<i>бартур</i>

Полная форма должна быть такой: *бар-* 'идти' + аффикс *-а* + *тур-* 'стоять' + аффикс *-а* + *мин* > *баратурамин* > *бартурмин* (*а* второго и четвертого слогов, будучи в безударной позиции, редуцировался).

В сарыг-югурском языке одна из форм настоящего времени образуется по типу *мен маңыппар* 'я иду (сейчас)' [10. С. 83—84]. В хакасском языке под этот тип настоящего времени подходит форма на *-ча/-че* или *-чадыр/-чедир* [11. С. 201—204] и *-а/-е* + *-дыр/-дир* [11. С. 204—205]. В шорском языке формы настоящего времени образуются также посредством вспомогательных глаголов *чат-, тур-, одур-, чер-* [12. С. 193—208]. Другие формы настоящего времени, такие, как фуюйско-киргизская *бардымин/бардамин* (<*барұдамын*) [5. С. 31], сарыг-югурские *-ғақ/-гек* [10. С. 85—86] и *-баған* [10. С. 86—87], изолированы и, вероятно, не могли быть в языке древних киргизов.

Для выражения действия, которому предстоит совершиться, служили такие формы:

1) будущее определенное время на *-а/-е* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В языке киргизов Фууй парадигма этого времени образуется посредством аффикса *-и* [5. С. 31]:

Ед. ч.	Мн. ч.
I <i>барим</i> 'я пойду'	<i>барибис</i>
II <i>баризиң</i>	<i>баризиңар</i>
III <i>бари</i>	<i>бари</i>

В языке киргизов Фууй эта форма образуется посредством аффикса времени) является производной от временного показателя *-ир*: *парим* (<*пар-ир-бин*) 'я иду'; *паризиң* (<*пар-ир-зың*) и т. д. [11. С. 206];

2) будущее неопределенное время с показателем *-ар/-ер* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В языке киргизов Фууй эта форма образуется посредством аффикса *-ыр* [5. С. 31]:

Ед. ч.	Мн. ч.
I <i>гилирмин</i> 'я приду'	<i>гилирбис</i>
II <i>гилирзиң</i>	<i>гилирзиңир</i>
III <i>гилир</i>	<i>гилир</i>

В сарыг-югурском языке парадигма времени строится с помощью аффиксов *-ар/-ер, ыр/-ир, -р*: *мен парар* 'я пойду' [10. С. 89—90]. Такая же форма времени существует в хакасском [11. С. 227—228] и шорском [12. С. 187—189] языках.

Формы будущего времени на *-ғыш, -ғы, -ғыр* в сарыг-югурском [10. С. 87—89, 90—91, 91—92] и будущего возможного на *-ғадыр* в шорском [12. С. 189—191] языке как формы изолированные не могут быть возведены в древнекиргизский язык.

Сводка реконструкций дает следующий контур структуры народно-разговорного языка древних киргизов (VIII—XII вв.).

Фонетическая структура

1. В системе вокализма существовали долгие гласные: *ā, ȳ, ō, ū, ē, ī, ē, ū*. Они были вторичного происхождения — по причине выпадения интервокальных согласных и стяжения гласных.

2. Нёбная гармония гласных осуществлялась последовательно. Губная гармония — огубление широких негубных — находилась на начальной стадии.

3. В начале слов перед узкими и широкими гласными была звонкая аффриката *ж*.

4. Широкий гласным (заднего ряда?) предшествовал сонант *н* (тип *намѳр* 'дождь').

5. В середине имен встречался звонкий *з* (типа *азақ* 'нога').

6. Звонкий *ғ* в интервокальной позиции выпал, вызвав стяжение и долготу гласных.

7. В конце глагольных основ был звонкий *з* (типа *қоз-* 'положить').

8. В конечной позиции слов был звонкий *ғ* (типа *тағ* 'гора').

Морфологическая структура

1. Множественное число выражалось посредством показателей *-лар/-лер, -дар/-дер, -тар/-тер*.

2. Парадигма принадлежности имела следующий вид:

Ед. ч.	Мн. ч.
I <i>-ым/-ум, -им/-үм</i>	<i>-быс/-бус, -бис/-бүс</i>
II <i>-ың/-уң, -иң/-үң</i>	<i>-ыңар/-уңур, -иңер/-үңүр</i>
III <i>-ы/-сы, -у/-су, -и/-си, -ү/-сү</i>	<i>-ы/-сы, -у/-су, -и/-си, -ү/-сү</i>

3. Парадигма склонения состояла из шести падежей с их показателями.

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: *-ның/-ниң, -дың/-диң, -тың/-тиң*.

Дательный падеж: *-ға/-ге, -қа/-ке, -а/-е*.

Винительный падеж: *-ны/-ни, -ды/-ди, -ты/-ти, -ну/-нү, -ду/-дү, -ту/-тү*.

Местный падеж: *-да/-де, -та/-те*.

Исходный падеж: *-дан/-ден, -тан/-тен, -нан/-нен* (*-дын/-дин, -тын/-тин, -нын/-нин*).

4. Спряжение: прошедшее, настоящее и будущее времена реализовались в ряде форм.

Формы прошедшего времени:

1) прошедшее категорическое время с аффиксом *-ды/-ди, -ду/-дү, -ты/-ти, -ту/-тү* и личными показателями (*-м, -ң; -быс, -ңар*), в III л. мн. ч. *-шты* (*барышты*);

2) прошедшее неопределенное время с показателями *-ыптыр/-иптир, -уптур/-үптур* и личными аффиксами (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*);

3) прошедшее результативное время на *-ған/-ген, -қан/-кен* и личными показателями (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*);

4) прошедшее длительное с аффиксом *-чух/-чүх* и личными показателями (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

Настоящее время данного момента образовалось по схеме: основа + деепричастие *-ып* + вспомогат. глаголы *жүр/-жат/-отур/-тур* + аффикс времени *-а* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

Формы будущего времени:

1) будущее определенное время на *-а/-е* с личными аффиксами (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*);

2) будущее неопределенное время с показателем *-р, -ар/-ер* и личными аффиксами (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В XII—XIII вв. древние киргизы под давлением враждующих племен киданей и найманов двинулись на запад. В процессе миграции они вступали в контакты с тюркскими народами, языки которых были в основном кыпчакского типа. Длительное время киргизы находились на Алтае и имели сильный контакт с тюркоязычными алтайцами [20. С. 30—41]. В результате языковой взаимосвязи образовалась обновленная основа языка древних киргизов — народно-разговорный (диалектного типа) среднекиргизский язык. Реальным представителем такого языка является язык населения оз. Лобнор Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Предки лобнорцев, можно полагать, выделились в XIV—XV вв. из конгломерата киргизо-алтайских племен и переселились на юг — в район Турфана и Хами, а затем поселились на западных берегах оз. Лобнор.

Первый исследователь языка лобнорцев С. Е. Малов полагал, что «язык лобнорский есть древний разговорный язык древних киргизов» и не без основания объединял его с языком желтых уйгуров (сарыг-югуров) [21. С. 5]. Длительный период совместного существования лобнорцев и уйгуров не прошел бесследно для лобнорского языка. В настоящем виде он предстает как смешанный язык, уйгурская часть которого легко отделима. Это *й* в начале слов, *ғ* в середине и конце слов и III л. будущего времени *-адо/-едо*. Пользуясь древнекиргизскими реконструкциями и материалом лобнорского и алтайского языков, можно восстановить контуры среднекиргизского языка.

В области фонетики:

1. Долгие гласные *ā, ы, ō, ū, ē, ī, ɵ, ү*. В лобнорском языке вторичная долгота от выпадения срединных и конечных *ғ, ғ* отсутствует, —

лобнорский язык освоил уйгурскую черту: наличие *г* и *з* в середине и конце слов. Древнекиргизская долгота была поддержана долготой такого же происхождения в южных диалектах алтайского языка: *уул* 'сын' [22. С. 168], *уур* 'тяжелый' [22. С. 168], *туу* 'гора' [22. С. 159], *аю* [айу] 'медведь' [22. С. 24].

2. Последовательная нёбная гармония и сильная губная гармония (огубление широких негубных). Тенденция к сильной губной гармонии была заложена в древнекиргизском. Под влиянием южных диалектов алтайского языка в среднекиргизском развилось огубление широких гласных *а, е* после широких губных *о, ө*: алт. *тоғус* 'девять' [22. С. 230], *болбоғондор* 'не бывшие' [22. С. 230].

В лобнорском языке после губных гласных огубляются не только узкие, но и широкие гласные: *көңлөк* 'рубашка' [23. С. 147], *өртөндөкө* 'находящийся на постоянном дворе' [23. С. 147], *болор* 'будет' [23. С. 147].

3. В начале слов перед узкими и широкими гласными была звонкая аффриката *ж*. В древнекиргизском — аффриката *ж*. В лобнорском языке под влиянием уйгурского установился среднеязычный *й*; аффриката *ж* сохранилась в группе слов: *жаңыла-* 'обновлять' [22. С. 110], *жигиймэ* 'двадцать' [22. С. 110], *жүрү-* 'жить; ходить' [22. С. 111]. В южных диалектах алтайского языка в начале слов звонкая аффриката *дь*: *дьети* 'семь' [22. С. 54], *дьоқ* 'нет' [22. С. 55], *дьорго* 'иноходец' [22. С. 56].

4. Начальный *н* перед широкими гласными исчез.

Начальный *н* — достояние древнекиргизского языка. В лобнорском языке слова с начальным *н* в основном заимствованы из других языков, то же следует сказать об алтайском языке. По-видимому, в среднекиргизском произошла переориентация лексики: отойдя от древнесибирского типа, она приблизилась к среднеазиатскому типу.

5. В середине имен звонкий *з* сохранялся, но в отдельных случаях как реликт — наследство древнекиргизского языка.

Доступная в записях лобнорская лексика не содержит слов с *з*, то же самое — в отношении алтайской лексики. Некоторая опора в данном случае — на топонимию и этнонимию современного киргизского языка.

6. Звонкий *г* в середине слов выпал, образуя долготу.

В древнекиргизском — то же самое. Серединный *г* представлен только в лобнорском языке — как следствие уйгурского влияния: *ағыл* 'хлев, двор, селение' [21. С. 80], *ағыз* 'рот, уста' [21. С. 80].

7. В конце глагольных основ звонкий *з* встречался лишь как реликт — наследство древнекиргизского языка.

Материал ни лобнорского, ни алтайского языков не подтверждает сохранность конечного *з* в среднекиргизском.

8. Конечный звонкий *г*, исчезая, дал долготу или дифтонг.

В древнекиргизском — конечный *г*. В лобнорском языке под уйгурским влиянием также представлен конечный *г*: *йағ* 'сало, масло' [21. С. 116], *тағ* 'гора' [21. С. 166].

В области морфологии:

1. Множественное число образовалось показателем *-лар* с вариантами по линии гласных (*а~е, о~ө*) и согласных (*л~д~т~н*).

В древнекиргизском — варианты только с негубными. В лобнорском языке аффикс множественного числа представлен обилием вариантов по линии гармонии гласных и ассимиляции согласных [23. С. 148].

В алтайском языке — двенадцать вариантов показателя множественного числа [22. С. 205].

2. Форма принадлежности состояла из аффиксов с узкими негубными и губными: *-м, -ң, -ы/-сы; -быс, -ыңар*.

В древнекиргизском — то же самое. Такая же парадигма представлена в лобнорском [24. С. 155].

3. Склонение: неопределенный, родительный, дательный, местный, исходный падежи:

1) неопределенный падеж — без оформления;

2) родительный падеж имел двенадцать вариантов по линии узких негубных и губных и начальных $n \sim d \sim t$.

В древнекиргизском — такая же парадигма. В лобнорском родительный падеж совпал по форме с винительным [23. С. 149]. В алтайском языке — восемь вариантов, отсутствуют аффиксы с узкой губной [21. С. 268];

3) дательный падеж с показателями в двенадцати вариантах по линии негубных и губных гласных и начальных $q \sim k \sim f \sim g$.

В древнекиргизском — только варианты с негубными. В лобнорском языке — двенадцать вариантов [24. С. 169], в алтайском — восемь [22. С. 268];

4) винительный падеж с двенадцатью показателями по линии негубных и губных и начальных $n \sim d \sim t$.

В древнекиргизском — то же самое. В лобнорском языке — обилие вариантов [24. С. 172—177; 23. С. 148]. В алтайском — шесть вариантов [22. С. 268];

5) местный падеж с восемью вариантами по линии негубных и губных гласных и начальных $n \sim d \sim t$.

В древнекиргизском — варианты только с негубными. В лобнорском языке — обилие вариантов с губными и негубными [24. С. 177—181]. В алтайском языке — восемь вариантов с губными и негубными [22. С. 268];

6) исходный падеж с двенадцатью вариантами по линии негубных и губных (только широкие) и начальных $n \sim d \sim t$.

В лобнорском языке показатели исходного падежа только с узкими гласными, как в уйгурском [24. С. 181—185], а в алтайском показатель исходного падежа — как в южно-сибирских языках [22. С. 268]. Показатели с широкими гласными сохранились в древнекиргизском, где были два ряда аффиксов — с широкими и узкими гласными.

4. Спряжение: времена — прошедшее, настоящее, будущее:

1) прошедшее категорическое время с показателем *-ды/-ди/-ду/-дү* и *-ты/-ти/-ту/-тү* + личные окончания (*-м, -ң; -қ, -ңар*); в III л. мн. ч. — *-шты*. В древнекиргизском — сходная парадигма, кроме одной детали: в I л. мн. ч. аффикс *-быс*. В алтайском языке — такая же парадигма, но в I л. мн. ч. могут употребляться и *-быс* и *-қ* [22. С. 275, 277]. В языке лобнорцев при той же парадигме I л. мн. ч. содержит только один личный показатель *-қ* [24. С. 191—193];

2) прошедшее неопределенное время с аффиксом *-ыптыр/-иптир, -унтур/-үнтүр* + личные окончания (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*). В древнекиргизском — та же самая форма. В алтайском одна из форм прошедшего времени образуется с помощью показателя *-ыптур/-иптур* + аффикс *-ды* + личные окончания (*-м, -ң; -қ, -ңар*), другая — по схеме: *-ыптур/-иптур* + аффикс *-ур/-р* + личные аффиксы (*-м, -ң; -қ, -ңар*) [22. С. 282];

3) прошедшее результативное с аффиксом *-ған/-ген, -қан/-кен, -гон/-гөн, -қон/-көн* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

Древнекиргизский язык имеет ту же форму времени. В алтайском языке парадигма данного времени — та же самая, за исключением двух рядов личных показателей: *-ым, -зың; -ыбыс, -ыңар* и *-м, -ың; -ық, -ыңар* [22. С. 279];

4) прошедшее длительное с показателем *-чух/-чүх* + личные аффиксы (*-пын, -сың; -пыс, -сыңар*).

В древнекиргизском языке эта форма прошедшего времени образуется по той же схеме. В алтайском и лобнорском языках прошедшее на *-чух* не отмечено.

Настоящее время данного момента образуется по схеме: основа + +деепричастие *-ып* + вспомогат. глаголы (*жүр-/жат-/отур-/тур-*) + аффикс времени *-а* + личные показатели (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В древнекиргизском — та же парадигма. В лобнорском языке отмечена форма с глаголом *йат-*: *қиливийатадо* 'он делает' [23. С. 149]. В алтайском языке в данном случае употребляются формы со вспомогат. глаголами *дьур-/дыат-/отур-/тур-* + аффикс времени *-ыр* + личные показатели (*-м, -ң; -быс, -ғар*) [22. С. 284].

Будущее время выражалось двумя формами:

1) будущее определенное время с показателем *-а/-е, -о/-ө* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В древнекиргизском показатель времени был двухвариантным — только с негубными гласными. В лобнорском языке показатель времени содержит не только широкие, но и узкие гласные — *ы, и, у, ү*, форма III л. — как в уйгурском языке: *қыладо* 'он делает' [24. С. 197—198], *келәдо* 'он приходит' [24. С. 200].

Форма I л. ед. и мн. чисел имеет в составе еще аффикс *-ди* (как в комульском говоре уйгурского языка): *барадимән* 'я пойду' [23. С. 149] и *баралмайдибис* 'мы не сможем пойти' [23. С. 149]. Но такая же форма времени есть в алтайском: *барадым* 'я обычно езжу, я поеду' [22. С. 282] и *барадыбыс* 'мы обычно ездим, мы поедим' [22. С. 282];

2) будущее неопределенное время, образуемое посредством аффикса *-р, -ар/-ер, -ор/-өр* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

В древнекиргизском языке показатель времени имел только негубные гласные. В лобнорском языке показатель времени имеет широкие и узкие гласные: *алтун бейейвис* 'мы дадим золота' [24. С. 22], *йигит туйуй* '(там же) стоит юноша' [24. С. 21]. Форма времени в алтайском языке состоит из основы + аффикс времени *-р, -ар/-ер, -ор/-өр* + личные аффиксы (*-м, -ң, -быс, -ығар*) [22. С. 281].

В сводном виде контур среднекиргизского языка (XIII—XIV вв.) имеет следующий вид:

Фонетическая структура

1. В систему вокализма входили долгие гласные (вторичного происхождения): *ā, ы, ō, ū, ē, ū, ө, ү*.

2. Наряду с последовательной нёбной гармонией существовала и сильно выраженная губная гармония (огубление широких гласных).

3. В начальной позиции слов перед узкими и широкими гласными была звонкая аффриката *ж*.

4. Начальный *н* перед широкими гласными исчез.

5. В середине имен в реликтовом состоянии сохранялся звонкий *з*.

6. Звонкий *ғ* в средней позиции слов между гласными выпал, образуя стяжение и долготу гласных.

7. В конечной позиции глагольных основ был звонкий *з*, но как реликт.

8. Конечный звонкий *ғ*, исчезая, дал долготу или дифтонг.

Морфологическая структура

1. Множественное число образовалось показателем *-лар* с вариантами по линии гласных (*а~е~о~ө*) и согласных (*л~д~т~н*).

2. Парадигма принадлежности состояла из аффиксов с узкими негубными гласными (*-ым/-ум; -ың/-уң; -ы/-у; -быс/-бус; -ыңар/-уңар*).

3. Парадигма склонения состояла из шести падежей.

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: *-ның/-ниң/-нуң/-нүң; -дың/-диң/-дуң/-дүң; -тың/-тиң/-туң/-түң*.

Дательный падеж: *-ға/-ге, -қа/-ке, -а/-е, -го/-гө, -қо/-кө, -о/-ө*.

Винительный падеж: *-ны/-ни, -ды/-ди, -ты/-ти, -ну/-нү, -ду/-дү, -ту/-тү*.

Местный падеж: *-да/-де/-до/-дө, -та/-те/-то/-тө*.

Исходный падеж: *-дан/-ден/-дон/-дөн, -тан/-тен/-тон/-төн*.

4. Парадигма спряжения состояла из ряда форм прошедшего, настоящего, будущего времени.

Формы прошедшего времени:

1) прошедшее категорическое время с показателем *-ды/-ди/-ду/-дү* и *-ты/-ти/-ту/-тү* + личные показатели (*м, -ң; -қ, -ңар*), в III л. мн. ч. — аффикс *-шты*;

2) прошедшее неопределенное время с аффиксом *-ыптыр/-иптир, -уптур/-үптур* + личные окончания (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*);

3) прошедшее результативное время с аффиксом *-ған/-ген, -қан/-кен, -гон/-гөн, -қон/-көн* + личные показатели (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*);

4) прошедшее длительное с показателем *-чух/-чүх* и личными аффиксами (*-пын, -сың; -пыс, -сыңар*).

Настоящее время момента действия образовалось по типу: основа + деепричастие *-ып* + вспомогат. глаголы *жүр-/жат-/отур-/тур-* + аффикс времени *-а* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

Формы будущего времени:

1) будущее определенное время с показателем *-а/-е, -о/-ө* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*);

2) будущее неопределенное время с показателем *-р, -ар/-ер, -ор/-өр* + личные аффиксы (*-мын, -сың; -быс, -сыңар*).

Кыргызы после алтайского периода расселяются по Тянь-Шаню, происходит формирование киргизской народности и современного киргизского языка с системой территориальных диалектов (новокиргизский язык). Кыргызы проникали на Тянь-Шань, вероятно, и раньше [25. С. 509—510; 26. С. 84—86; 27. С. 43, 45, 60], но основное переселение состоялось все же в алтайский период, и оно придало окончательный облик и народу, и языку киргизов (см.: 16).

Процесс языкового развития можно наблюдать, сравнивая реконструированные фонетические и морфологические структуры древне- и среднекиргизского и для наглядности — современного киргизского литературного языка (следовало бы — его реконструкции на основе диалектов).

Фонетическая структура

1. Система долгих гласных древнекиргизского и среднекиргизского языков полностью сохранилась в современном киргизском языке, будучи по происхождению производной: *ā, ы, ō, ū, ē, ī, ө, ү*.

2. Древнекиргизская нёбная гармония сохранила свою силу и в современном киргизском языке. Губная гармония в древнекиргизском распространялась только на узкие гласные. В алтайский период язык древних киргизов получил от языка алтайских племен стимул к дальнейшему развитию губной гармонии, — она стала распространяться и на широкие негубные гласные [20. С. 31].

3. Древнекиргизская звонкая аффриката *ж* перед узкими и широкими гласными сохранилась в среднекиргизском и в современном киргизском языке.

4. Древнекиргизский сонант *н* перед широкими гласными не был

усвоен ни среднекиргизским, ни современным киргизским языком: *жамгыр* вм. *намыр* 'дождь'.

5. Звонкий *з* в середине имен древнекиргизского языка полностью заменен сонантом *й*, в среднекиргизском и в современном киргизском *айақ* вм. *азақ* 'нога'. В современном киргизском языке отложились только реликтовые формы:

а) в топонимии: *Ызык Көл* (совр. *Ысык Көл*) 'Священное озеро' [28. С. 44—49], *Ызык Ата* (совр. *Ысык-Ата*) 'Святой отец', *Жазык Бел* 'Просторный перевал' [29. С. 99];

б) в этнонимии: *азык* 'медведь' [30. С. 78];

в) в общей лексике: *суу кудук* или *зуу кудук* (<*ызык кудук*) 'священный колодец' [31. С. 437; 32] и *боз жигит* 'юноша' (ср.: *бой жигит*).

6. Конечный *р* древнекиргизского языка в среднекиргизском и в современном киргизском исчез, вызвав долготу: *тō* < **таг* 'гора', *жō* < **жаг* < **йаг* 'масло, жир'.

Морфологическая структура

1. Множественное число в современном киргизском языке получило дополнительные варианты показателя за счет огубления широких гласных в среднекиргизском, т. е. стало двенадцатичленным: *-лар/-лер*, *-дар/-дер*, *-тар/-тер*, *-лор/-лөр*, *-дор/-дөр*, *-тор/-төр*.

2. Парадигма принадлежности в современном киргизском языке полностью совпала с древнекиргизской и среднекиргизской парадигмами.

3. В алтайском периоде в парадигме склонения сравнительно с древнекиргизской произошли добавления в основном фонетических вариантов. В современном киргизском родительный падеж приобрел двенадцать вариантов (четыре из них — с губными узкими гласными), конечный *ң* стал *н*. Дательный падеж совпал со среднекиргизской формой: *-га/-ге*, *-қа/-ке*, *-го/-гө*, *-қо/-кө*, *-а/-е*, *-о/-ө*, винительный — с древне- и среднекиргизской: *-ны/-ни*, *-ды/-ди*, *-ты/-ти*, *-ну/-нү*, *-ду/-дү*, *-ту/-тү*, местный — со среднекиргизской: *-да/-де*, *-та/-те*, *-до/-дө*, *-то/-тө*. Исходный падеж удержал вариант только с широкими гласными (как в среднекиргизском): *-дан/-ден*, *-тан/-тен*, *-нан/-нен*, *-дон/-дөн*, *-тон/-төн*, *-ноң/-нөң*.

4. Спрягаемые формы в прошедшем, настоящем, будущем временах. Формы прошедшего времени:

1) прошедшее категорическое время на *-ды* сохранило полностью свой вид, как в среднекиргизском (в древнекиргизском в I л. мн. ч. личный показатель был *-быс*);

2) прошедшее неопределенное время на *-ыптыр* полностью сохранилось от древне- и среднекиргизского и в современном киргизском языке;

3) прошедшее результативное время на *-ган* также в полном виде повторилось от древне- и среднекиргизского языков в современном киргизском языке;

4) прошедшее длительное время в современном киргизском приобрело показатель *-чу/-чү* (<**-чух*) и значение категорического действия, в отличие от древне- и среднекиргизского *-чух/-чүх*.

Формы настоящего времени:

настоящее данного момента имеет тот же вид, что и в древнекиргизском и в среднекиргизском.

Формы будущего времени:

1) будущее определенное время на *-а* повторяет древне- и среднекиргизскую схему;

2) будущее неопределенное время на *-ар* — такое же, как и в древне- и среднекиргизских языках.

Подводя итог наблюдениям, можно сказать, что древне- и среднекиргизский языки, контактируя с родственными языками, приобретали в основном фонетические новшества: усилилась губная гармония — подверглись лабиализации широкие гласные, подстраиваясь под лабиализованные узкие, не сохранился начальный *н*; звонкий *з* в середине имен вместе с потоком новых слов был заменен на *-й* (остались только реликтовые формы); конечный *г* вокализровался и дал долготу или дифтонг; в падежной системе были только фонетические новации за счет прибавления широких губных вариантов аффиксов; во временных формах индикатива формы прошедшего, настоящего и будущего времен сохранили свой вид. Все это было усвоено и развито новокиргизским языком.

В заключение отметим следующее:

1) древнекиргизский народно-разговорный язык диалектного типа был языком *-з* и, таким образом, ближайше родственным языку киргизов Фууй, а также сарыг-югурскому, хакасскому, шорскому и чулымско-тюркскому;

2) язык древних киргизов принял большое участие в формировании современного киргизского языка, и, следовательно, древнекиргизский этнос вошел в состав этноса тянь-шаньских киргизов и определил его тип;

3) историкам киргизского языка при их построениях надо учитывать три периода в истории киргизского языка: енисейско-иртышский (VIII—XII вв.) — древний; алтайский (XIII—XIV вв.) — средний; тянь-шаньский (XV—XVI вв.) — новый;

4) поскольку в изменении древнекиргизского языка важную роль играли лабиализационные процессы, а они протекали главным образом на Алтае, то средний, алтайский, период в превращении древнекиргизского языка в современный киргизский надо считать основным;

5) проведенный анализ нельзя считать исчерпывающим: необходима его дальнейшая детализация путем углубленного изучения языков киргизов Фууй, сарыг-югурского и лобнорского, а также привлечения диалектного материала хакасского, шорского, чулымско-тюркского, с одной стороны, и киргизского языка — с другой; иными словами, необходимо монографическое изучение выдвинутой темы;

6) необходимо провести сравнительное исследование древнекиргизского языка с языком эпоса «Манас», в частности сопоставить губную гармонию и выяснить соответствие *й* — *з* в середине имен и конце глагольных основ. Материал эпоса может пролить дополнительный свет на процесс трансформации древнекиргизского языка в современный киргизский;

7) выводы этногенетического характера должны быть подкреплены историческим, этнографическим и археологическим материалом.

В «Кыргызстан маданияты» (1988. № 36) появилась статья Чолпонбая Нусупова «Кыргыздар кайдан тараган», в которой автор критикует и наставляет некоторых составителей I тома «Истории Киргизской ССР» (4-е изд. 1984). Мы признаем схему Б. М. Юнусалиева, — она реальна. Но языковой материал был достижим до сей поры только для тянь-шаньского и алтайского периодов; данные по киргизскому и алтайскому языкам енисейского периода оставались неосвещенными. Это и дало повод Нусупову думать, что енисейские кыргызы тем самым связываются только с хакасами. Ничего этого в помине нет. Енисейский материал впервые вводится в реальный этногенетический процесс только в этой статье.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Koerner K. Reconstruction in historical linguistics. Ottawa, 1985.
- ² Ginneken J., van. La reconstruction typologique des langues de l'Humanité. Amsterdam, 1939.
- ³ Журавлев В. К., Нерознак В. П. Проблемы реконструкции праязыкового состояния // Slavica. 1981. 18.
- ⁴ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
- ⁵ Hu Zhen-hua, Guy Imart. Fu-Yü Kirgis: A tentative description of the Easternmost turkic language. Univ. of Calif. at Santa Barbara.
- ⁶ Тенишев Э. Р. О языке киргизов уезда Фуюй (КНР) // Вопр. языкознания. 1966. № 7.
- ⁷ Он же. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
- ⁸ Малов С. Е. Язык желтых уйгуров: Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.
- ⁹ Худяков Ю. С. Киргизы на Енисее. Новосибирск. 1986.
- ¹⁰ Петров К. И. Очерки феодальных отношений киргизов в XV—XVIII веках. Фрунзе, 1961.
- ¹¹ Грамматика хакасского языка. М., 1975.
- ¹² Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.
- ¹³ Бирюкович Р. М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.
- ¹⁴ Она же. Морфология чулымско-тюркского языка. М., 1979. Ч. 1: Категория имени существительного.
- ¹⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ¹⁶ Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Саратов. 1981. Ч. 2.
- ¹⁷ Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961.
- ¹⁸ Джусупакуматов У. Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам. Фрунзе, 1983.
- ¹⁹ Баскаков Н. А. Форма глагола на -чык/-чик, -чу/-чү в хакасском, тувинском и киргизском языках // Вопр. тюркологии. Ташкент, 1965.
- ²⁰ Юнусалиев Б. М. Проблема формирования общенародного киргизского языка // Вопр. языкознания. 1955, № 2.
- ²¹ Малов С. Е. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956.
- ²² Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М., 1947.
- ²³ Тенишев Э. Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
- ²⁴ Асаналиев У. Лобнор тилинин грамматикалык кыскача очерки. Фрунзе, 1964.
- ²⁵ Бартольд В. В. Киргизы // Сочинения. М., 1963. Т. 2, ч. 1.
- ²⁶ Караев О. История Караханидского каганата (X—начало XIII в.). Фрунзе, 1983.
- ²⁷ Он же. Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
- ²⁸ Умурзаков С. С четырех сторон горизонта. Фрунзе, 1983.
- ²⁹ Исаев Д. И., Токомбаев Ш. Т., Алиев З. А. и др. Киргызстандагы географиялык аттардын сөздүгү (долбоор). Фрунзе, 1962.
- ³⁰ Орузбаева Б. О. О собственных именах в эпосе «Манас» // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980.
- ³¹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Фрунзе, 1985.
- ³² Но возможно и другое толкование зуу: 1) одно из имен Будды, 2) молежня: Эрдэнэ-зуу [33. С. 265].
- ³³ Базылхан Б. Монгол-казах толь. Улаанбаатар, 1984.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ОБЩЕМУ
И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ТЕНИШЕВ Э. Р.

О КИРГИЗСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В ДОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Под этнонимом «киргизы» имеются в виду тянь-шаньские киргизы, составляющие основное население Киргизской ССР, а не енисейские киргизы (кыргызы).

Сложилось мнение, что у киргизов в донациональный период не было ни литературного языка, ни письменности, однако до сих пор это мнение никем научно не подтверждалось и не опровергалось. Существуют отдельные высказывания по данному вопросу, остановимся на некоторых из них. Касаясь культуры киргизского народа, А. Каниметов в 1962 г. писал: «Свыше десяти тысяч эпических произведений насчитывает устное творчество киргизов. Так как не было письменности, в нем отражались все важные события, все движения жизни и общественной мысли» [1, с. 290]; и далее: «Ни одна книга и газета не были изданы до революции на киргизском языке. Народ оставался поголовно неграмотным» [1, с. 291].

Описывая состояние культуры киргизского народа перед Октябрьской революцией, С. С. Данияров утверждал то же самое: «В дореволюционный период в духовной культуре киргизского народа, не имевшего своей письменности и, следовательно, печатной литературы, основное место занимало устно-поэтическое творчество, удивительно богатое и разнообразное по своему жанру и форме» [2, с. 60]. Тем не менее С. С. Данияров отметил первые рукописные произведения, появившиеся в Киргизии в конце XIX и начале XX вв. и принадлежащие акынам-письменникам: число этих произведений было очень незначительным [2, с. 188].

О киргизской письменности С. С. Данияров высказывается категорично. Он пишет: «Однако в трудах отдельных местных ученых иногда без всяких оснований встречаются голословные утверждения о том, что у киргизов якобы еще до установления Советской власти была своя национальная письменность. ...Следует различать два понятия: письменность и письменный язык. До Октябрьской революции народы Средней Азии, Казахстана и некоторые тюркские народности в разной степени приспособляли арабский алфавит к своим языкам. Но он не отражал лексические, фонетические и др. особенности языков этих народов. Арабской графикой пользовались в основном представители мусульманского духовенства, и она была недоступна широкому трудящимся массам» [2, с. 187]. Мнения ученых-тюркологов другого характера, т. е. отличающиеся от приведенных выше. Вот что писал в 1957 г. И. А. Батманов: «Киргизы до Октябрьской революции пользовались буквенным письмом, имели письменность, но такую, которая не отражала существенных особенностей их языка» [3]. Примерно в таком же духе писал в 1960 г. К. К. Юдахин в предисловии к киргизско-русскому словарю: «До Октябрьской социалистической революции грамотные киргизы (а их было немного)

пользовались крайне слабо приспособленным к киргизскому языку арабским алфавитом и писали, подражая образцам так называемого чагатайского (древнеузбекского) языка» [4]. Этой точки зрения придерживался и С. Е. Малов [5]. В работе, посвященной изучению киргизских официальных документов, В. М. Плоских и С. К. Кудайбергенев в 1968 г. отметили, что «до революции киргизы, как и многие другие тюркские народы Средней Азии, писали свои немногочисленные документы и родословные, используя арабский алфавит, на так называемом староузбекском (чагатайском) языке» [6, с. 75]. По мнению Х. К. Карасаева, исследовавшего в историческом плане киргизскую орфографию, с давних пор, известно, что киргизский народ использовал арабскую графику в дооктябрьский период, о чем свидетельствуют дошедшие до нас рукописи официальных документов и литературных произведений, а также несколько печатных книжек [7, с. 73].

Таким образом, исследователи культуры киргизского народа считают, что киргизы не имели старой письменности, а ученые-тюркологи единодушно признают факт ее существования. Однако ввиду того, что тюркологи-лингвисты не привели развернутой аргументации в пользу ее существования, утвердилось мнение, что у киргизов в прошлом не было ни письменности, ни литературного языка.

Полагаю, что теперь есть основания не согласиться с подобным утверждением. С полным правом акад. В. В. Виноградов писал, что «изучение литературного языка теснейшим образом связано с изучением литературы — в самом широком понимании этого слова. Изучение литературного языка неотделимо и от общей истории языка и литературы соответствующих народов, так как с литературным языком — в том или ином понимании этого термина — мы сталкиваемся прежде всего в истории языка и литературы. Тем самым изучение литературного языка связывается и с культурной историей данного народа, поскольку такие сопряженные с литературным языком явления, как письменность, литература, наука, входят в орбиту и истории культуры. Вместе с тем литературный язык... является одним из самых реальных орудий просвещения; а это означает, что изучение литературного языка соприкасается и с задачами образования, школы» [8].

Иными словами, изучение литературного языка, его истории или современного состояния тесно связано с вопросами литературы, культуры, истории и просвещения народа.

Само же существование литературного языка можно подтвердить только текстами: если есть тексты, есть и литературный язык, нет текстов, нет литературного языка, а вся совокупность текстов дает представление о жанровой и стилистической вариативности, о богатстве литературного языка. Такая позиция не должна казаться категоричной — ведь речь идет о книжно-письменной модификации литературного языка.

Существовали ли такого рода тексты у киргизов в прошлом?

Ответ должен быть утвердительным: да, такие тексты у киргизов прежде были, и по ним можно судить о литературном языке. Прежде всего это — печатные тексты. К ним принадлежит поэма Молдо Кылыча Шамырканова (Тёрёгельдина) (как бы ни относиться к идейной стороне его творчества) [9] под названием «Кысса-и зилзала» («Повесть о землетрясении»), подготовленная к печати в Уфе при «Медресе-и Галия» и изданная в 1911 г. в Казани. Отметим еще две публикации — два исторических сочинения, подготовленных к печати Осмоналы Сыдыковым: в 1913 г. в Уфе увидела свет книга «Мухтасар-и тарих-и кыргызия» («Краткая

история киргизов») и в 1914 г. — «Тарих-и кыргыз-и Шабдания» («Шаб-данова история киргизов») ¹.

Значительно больше сохранилось текстов в рукописном виде. Киргизские рукописи мне пришлось видеть в начале 30-х годов в южной Киргизии. О киргизских рукописях на Памире в те же годы упоминает и А. Ниялло [10]. В 50-60-е годы собиранием киргизских рукописей занимался Дж. Шукуров [11]. Позже — поискам и изучению языка киргизских рукописей уделяли внимание К. К. Юдахин, Б. М. Юнусалиев [12, с. 49—50], К. К. Карасаев [7, с. 73—79].

Стимулом к новым поискам явилась заметка Н. Харченко о замечательной находке — рукописном сборнике из центральных районов Тянь-Шаня, появившаяся в апреле 1976 г. в газете «Советская Киргизия».

Специалисты, познакомившиеся со сборником, определили, что он содержит копии трех среднеазиатских трактатов на арабском языке по логике и богословию: «Солнечный трактат об основах логики» Али ал-Катиби Дабирана (XIII в.); «Комментарии по Исламу» знаменитого законоведа Омара ан-Насафи из Самарканда (первая половина XII в.) и «Критическое изложение логики» известного ученого-теолога Омара ат-Тафтазани из тимуридского двора в Самарканде (конец XIV в.). Копии рукописей были соединены в едином переплете среднеазиатским мастером в конце XVIII в. [13, с. 90—91]. Эта находка выявила необходимость организации археографической экспедиции для систематического собирания рукописей и старопечатных книг.

За пять лет (1976—1980 гг.) полевых работ экспедиция обследовала многие районы Ферганы, Центрального Тянь-Шаня и Прииссыккуля. В результате собрано около пятисот старопечатных и литографических изданий, двухсот рукописей, десятки документов на арабском, персидском и тюркских языках.

Большая часть находок относится к XIX в. или началу XX в., редкие рукописи датируются XVIII в., но есть копии рукописей, относящихся и к более раннему периоду. География печатных книг обширна: Ташкент, Казань, Бухара, Стамбул, Лакхнау, Канпур. Книги и рукописи весьма разнообразны по содержанию и характеру, представляют как светскую, так и духовную литературу [14; 13, с. 91—92], прозу и поэзию. Среди них — научные трактаты, руководства по мусульманскому законоведению — фикху, шариату, толкования к Корану, хадисы, т. е. сборники преданий о поступках и изречениях Мухаммада, и др.

Нельзя не упомянуть и уникальную находку — одну из ранних копий грамматического трактата знаменитого поэта, ученого, мыслителя Абдурахмана Джами (1414—1492). Рукопись найдена в Южной Киргизии, в одной киргизской семье, родом из припамирских гор.

Сочинение Джами «Полезные замечания, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафии» написано как толкование к грамматическому трактату Ибн-ал-Хаджиба (1175—1249). По существу это не только учебное пособие для овладения арабским языком, но и самостоятельный труд, разъясняющий основные положения и трудности грамматики арабского языка. Научный труд Джами быстро завоевал признание и широкую популярность у изучающих арабский язык. Он получил распространение

¹ В стихотворном введении (с. 5) встречается строка: *шадманийе аталды ушбу тарих «эта история названа радостной»*, — вероятно, поэтическая трактовка названия книги.

в странах Азии под различными названиями, о чем свидетельствуют многочисленные списки трактата. Так, в Каталоге собрания восточных рукописей АН УзССР упоминается 51 копия трактата в период с начала XVI в. по конец XIX в.

Рукопись сочинения Джами сохранилась в полном виде и прекрасном художественном оформлении, свидетельствующем о тонком вкусе изготовителя копии. Она переписана в Балхе талантливым мастером-каллиграфом Давлат Мухаммад ибн Тенгри-берди Кушчи, очевидно, тюрком по происхождению, поскольку отдельные роды кушчи вошли в состав киргизского, казахского, узбекского народов. Последний переплет изготовлен в середине XIX в., тоже мастером своего дела — муллою Надир Мухаммадом.

Интересно, что в Южной Киргизии был найден и «Комментарий к грамматическому трактату ал-Джами», составленный Хаджи Абдаллахом ибн Салих ибн Исмаилом (Махрам-эфенди) в начале XIX в. и изданный в Стамбуле в 1890—1891 гг.

Следует отметить, что население южных районов Киргизии было знакомо и с другими сочинениями Джами. Экспедиции удалось приобрести редкие литографические издания еще двух произведений Джами, написанных на персидском: «Нафахат ал-унс» («Дуновения дружбы»), содержащее жизнеописание знаменитых суфиев, и «Силсилат аз-захаб» («Золотая цепь») — поэма, посвященная Султан-Хусейну Байкаре, правителю Герата. Оба произведения изданы в Канпуре в 1893 г. [13, с. 92—98]. Возникает вопрос: если арабские и персидские сочинения известнейших авторов были так популярны в Киргизии, то не писали ли сами киргизы свои сочинения на арабском и персидском языках?

На территории КиргССР экспедиция разыскала и приобрела литографические издания тюркоязычных диванов основоположника узбекской классической литературы Алишера Навои (1441—1501) [13, с. 98]. Стало быть, в прежние времена в Киргизии читали не только по-арабски и персидски, но и по-тюркски. Следует также помнить, что киргизский народ является преемником культуры Караханидского государства, с ее глубокой письменной традицией, которую несут на себе поэма «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (1069 г.), «Диван-и лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского (1084 г.). Открытия археографических экспедиций, большое количество арабо-, персо- и тюркоязычных книг и рукописей свидетельствуют о существовании давней рукописной традиции в Киргизии.

Она поддерживалась и развивалась, несомненно, при содействии и школьного образования. В Самарканде и Бухаре, известных центрах мусульманского образования, школы-медресе возникли в XV—XVI вв. На территории Киргизии медресе появились позже — в основном во второй половине XIX в. и главным образом для оседлого населения, а кочевники-киргизы обучали своих детей в юртах. Английский путешественник Дж. Вуд, побывавший в 30-х годах XIX в. в верховьях реки Оксуса (начало Аму-Дарьи), присутствовал на занятиях в школе-юрте, где дети киргизов изучали Коран [15; 16, с. 10]. Ч. Валиханов, посетивший киргизов в 1857 г., указал, что дети главы племени бугу начинают учиться грамоте [17].

По сведениям 1892 г., в Киргизии было всего семь медресе, из них пять — в г. Оше; в 1914 г. в Ошском уезде число медресе и мектебов было уже 88 с 1178 учащимися [16, с. 25]. Интересны и другие данные: на 1 января 1913 г. в Пишпекском уезде в 21 чисто киргизской кочевой волости насчитывалось 59 мектебов с 1182 мальчиками и 131 девочкой, а в

26 волостях Пржевальского уезда имелось 28 школ, где обучались 2276 мальчика и 42 девочки [16, с. 11—12].

С начала XX в. в Киргизии стали открываться новометодные школы («усул-и джадид»). Основателями и первыми их учителями являлись в большинстве случаев поволжские татары, на смену которым пришли учителя-киргизы, получившие подготовку в медресе Уфы, Казани и новометодных мектебах Пишпека, Токмака и Пржевальска [16, с. 36, 39].

Приведенные выше данные — несомненное свидетельство высокой духовной культуры и образованности киргизов в прошлом, их стремления к владению языками, к поэтическому и научному творчеству.

Вполне естественно, что киргизы рано осознали и необходимость в литературном языке на родной почве. Эта потребность реализовалась в ряде рукописных произведений, деловых документах и переписке. В их числе прежде всего надо назвать большую поэму — санаты Молдо Нияза (20-е годы XIX в. — 1896), посвященную историческим событиям: покорению Чимкента и Ташкента (1865), бегству ферганских киргиз от Худояр-хана (1845—1858) на Сары-Кол, отношению правителя Кашкарии Якуб-бека к киргизским беженцам.

Автор родился в долине р. Шаймардан (Южная Киргизия) и побывал в районах Северной Киргизии. Изучение языка поэмы Молдо Нияза осуществил Б. М. Юнусалиев [12]. К первой трети XIX в. (1824—1827) относятся письма киргизов русским властям [6, с. 76]. Сохранились письма-обращения 50—60-х годов XIX в. с просьбой принять киргизов в подданство России [6, с. 75].

Есть письма-документы киргизов, относящиеся к первым посольским связям с Россией [18]. Наиболее раннее из них — письмо Атаке-батыра, датированное 23 авг. 1785 г., из чего следует, что в XVIII в. киргизы уже пользовались арабской письменностью. Из актов документов наиболее ранний — договор о дружбе между северными киргизами и казахами старшего жуза, составленный в 1847 г. [6, с. 75].

Все эти уникальные документы, появившиеся в киргизской среде, представляют ценность не только для лингвистов, но, разумеется, и для историков. По-видимому, не случайно Чолпон-Атинский историко-краеведческий музей в числе экспонатов поместил фотокопии четырех киргизских писем:

1) письмо киргизских биев Улджебая Акымбека и старшины Мамбета Уметова генерал-губернатору Западной Сибири. Местность Джергалан, 5 авг. 1825 г.;

2) письмо киргизских биев Шералы и его сына Алгазы на имя генерал-губернатора Западной Сибири. Местность Ак-Суу, 9 апр. 1827 г.;

3) и 4) — тексты присяги племени бугу на подданство России от 1827 и 1855 гг.

Что представляет собой язык названных произведений и документов? Для примера можно привлечь поэму Молдо Нияза, историю о Шабдане Осмоналы Сыдыкова и текст трех писем (конца XVIII в., начала и середины XIX в.). Основу языка поэмы Молдо Нияза составляет общий для многих тюркоязычных народов чагатайский язык.

Об этом свидетельствуют фонетические признаки: й — в начале слов: йолавачу «путник», йақшы «хороший», йыл «год», йорга «иноходец», йурт «жилище, дом», йер «земля», йат- «лежать», йаз- «писать»; гласные у, ү в непервых слогах: алтун «золото», агаларум «мои старшие родичи», кайтаруб «возвращая», айрылур «отделиться», көңлүм қалур «я обижусь»

(букв. «останется мое настроение»), *айтдум Нияз* «сказал я Нияз», *йатар идүңиз* «вы лежали», *болмас мидүм?* «не стал бы я?».

Среди морфологических признаков: род. п. *-ның/-ниң* после звонких и сонорных — *қызның* «девицы», *йерниң* «земли»; вин. п. — *-ны/-ни* после звонких и сонорных — *бу мырзаны* «этого дворянина», *сөзүңни* «твое слово»; инстр. п. *-н* — *көзүн көрүб* «глядя глазами»; прош. вр. — *мыш* — *қалмыш бу дүниада жақған адам* «приятный человек остался в этом мире».

Лексические признаки: возвратные местоимения *сендүң* «ты сам» и послелог *билен*.

Орфографические признаки: раздельное написание *ң* — двумя буквами («нун» и «кяф») — *йуртынң* «твое жилище», *мангдай* «лоб», *десенгиз* «если вы скажете» и раздельное написание аффиксов и основы слова: *торы-ның* «гнедого», *қамчым-ның* «моей камчи», *өзүм-нүң* «меня самого».

Чагатайская основа поэмы бытовала явно в казахской среде. Это видно из следующих признаков: *ґ* > *в* между гласными, сонорной и гласной, в конце слова — *авыл* «село, селение», *авыз* «рот, уста», *баврум* «мой дорогой» (букв. «моя печень»), *қара тов* «черная гора»; *ш* > *с* — *сол* «этот, тот», *жасан* «наряжаться», *жас терекдей* «как молодой тополь»; личные местоимения 1 и 2 л. в дат. п.: *маған* «мне», *саған* «тебе».

Этот смешанный язык, его можно назвать и староказахским литературным языком, был мастерски использован Молдо Ниязом для написания поэмы. Язык поэмы, естественно, насыщен элементами киргизского языка.

Для него характерны следующие фонетические признаки: сильная губная гармония гласных, ср.: *Кокондо* «в Коканде», *жорғолоғон* «шедший иноходью», *көргөнмүн* «я видел» [12, с. 56—57]; *ж* в начале слов — *жаз* «лето», *жыйирме* «двадцать», *жүр* «ходить», *же* «есть, питаться»; начальный (й)ы (вм. *жы*) — *-ыр* «песня», *ыраақ*, «далеко» [12, с. 57]; переход *б* > *в* между гласной и сонорной — *болвойт* «не будет он(она)», *қыш қылвайт* «зимой она не делает» [12, с. 57]; наличие губных дифтонгов *ов/өв* — *товдун* (род. п.) «горы»; *бирөв* «некий» и *ув/үв* = *увлуң* «твой сын», *қызыл үздүв* «краснощекий»; наличие трифтонгов с *й* между гласными — *ийе* (*бийени* «кобылу») и *үйе* (*түйелериң* «твой верблюды») [12, с. 59—60].

К морфологическим признакам можно отнести: афф. род. п. *-ның/-нын* в м. *ның*, ср.: *бәбанның жайы* «место садовода»; вин. п. на *-ды*: *мартарды* «молодцов»; афф. 3 л. наст.-буд. времени ед. числа на *-т*: *болот* «будет», *қойуйт* «оставляет»; прош. на *-чу/-чү*: *жерде жатчу* *чачылып* «лежит разбросанная на земле», *күндө шелче тоқучу* «каждый день она ткала коврик» [12, с. 54, 57—58].

В основе языка прозаического сочинения Осмоналы Сыдыкова, посвященного истории правителя Шабдана, лежит старотатарский литературный язык — сплав чагатайского и татарского: *й* — в начале слов — *йигет* «юноша», *йаш* «молодой», *йоқ* «нет»; конечный *ғ* — *тағ* «гора»; раздельное написание аффиксов и основы слова — *булутлар-ға* (дат. п.) «тучам», с одной стороны, и *ир* «мужчина», *йан* «душа», послелог *кебек* исх. п. — *нан* — *қолларынан* «от их рабов», *йирләреннән* «от их земель», с другой стороны. На этом языковом фоне четко просматриваются киргизские черты: начальный *ж* — *журт* «жилище», *жигит* «юноша», *жит* «достигать»; род. п. на *-дин* — *ме'рифетдин изи* «следы просвещения», *биздин кыргыз* «наши киргизы»; вин. п. на *-ди* — *хызметди* «службу», *шол йерди* «эту землю», *кимди* «кого»; послелог *шекилди* «как» (вм. татар. *шикелле*) — *адем шекилди* «как человек».

Язык писем Атаке-батыра (1785), бия Акымбека Улджебая и Мамбета Уметова (1825) и Байтика Канаева (середина XIX в.) характеризуется

большей сохранностью признаков чагатайского языка в сплаве с чертами киргизского: *саламет-лик-лер-ики* (вин. п.) «их здоровье» (письмо Атаке-батыра); *бирүүлмиш алтун медал йолуқтауб алдум* «подаренную золотую медаль я получил как полагается» (письмо Акымбека Улджебая и Мамбета Уметова); *иззатлу ва хурматлу* «досточтимый и уважаемый» (письмо Байтека Канаева).

Названные произведения и тексты написаны на таких вариантах языка, которые, вне всякого сомнения, относятся к страту литературных языков: им присущи обработанность (наличие образных средств), наддиалектность (сочетание черт языков ~ диалектов) и присутствие языковой традиции.

Вместе с тем бросается в глаза отсутствие единообразия в нормированности литературных языков. Реализуется несколько региональных вариантов киргизского литературного языка:

а) на чагатайской основе (киргизские письма);

б) на основе староказахского литературного языка (поэма Молдо Нияза);

в) на основе старотатарского литературного языка («Шабданова история киргизов» Осмоналы Сыдыкова).

К этому перечню можно добавить региональный вариант узбекского языка: в 1918—1919 гг. обращения к народу представителей советской власти печатались на юге Киргизии на узбекском языке; на севере Киргизии роль письменного языка до 1924 г. в значительной степени выполнял узбекский (см., например, «Воззвание Пишпекского общекиргизского демократического союза „Фухара“», опубликованное в 1917 г. в Пишпеке). В Северной Киргизии местное население также читало казахские газеты («Көмек», «Учкун», «Кедей эрки» «Аз жол», «Тілші») и журналы («Шолпан», «Таң», «Жас қайрат», «Аелдар теңдиги»), выходившие в Казахстане [2, с. 186]. Есть указания, что в XVII в. киргизы при сношениях с русскими прибегали к языку и письменности монголов [19]. Можно полагать, что в средневековой Киргизии существовали отдельные историко-культурные центры со своими скрипториями, как это имело место и в ряде стран Европы и Азии [20, 21].

Такое явление В. В. Виноградов считает общей закономерностью развития литературных языков Запада и Востока, характерной «для эпохи феодализма, эпохи, предшествующей образованию национальных литературных языков», например, классический арабский — у иранских народов, арабский и персидский — у тюркских народов, классический китайский — у японцев и корейцев, латинский — у германских и западнославянских народов, старославянский (древнеболгарский) — у южных и восточных славян, немецкий — у народов Прибалтики и Чехии [22, с. 10].

В истории русского литературного языка А. Н. Соболевский выделяет несколько литературных языков: два новгородских, два киевских, два западнорусских [23].

Приходится часто слышать в Киргизии, что раньше литературного языка не существовало, а то, что подразумевается под ним — это «язык молдо». Это выражение, думаю, можно толковать только в положительном смысле. Ведь в старое время молдо были не только служителями религиозного культа, но и деятелями культуры и просвещения, обучали грамоте детей. Они как образованные люди владели многими языками классического Востока и способствовали становлению и развитию литературного языка. Это не только нельзя отрицать, но и невозможно не подчеркивать. Как параллель можно привести роль отдельных монастырей и универси-

тетов в развитии немецкого литературного языка донациональной поры [24].

Ссылка на малую грамотность населения тоже не может поколебать факта наличия и функционирования литературного языка — в культуре важна не только количественная, но и качественная сторона.

Об этом В. В. Виноградов высказывается таким образом: «В ранние периоды образования буржуазных наций литературным языком владеют ограниченные социальные группировки, основная же масса сельского, а также городского населения использует диалект, полудиалект и городское просторечие; тем самым национальный язык, если его сливать с литературным языком, оказался бы принадлежностью лишь части нации» [22, с. 15].

Итак, можно с полной уверенностью сказать, что киргизы, начиная с XVIII в. по меньшей мере, пользовались арабской письменностью и имели в своем распоряжении не один, а несколько региональных литературных языков со своими жанрами и стилями. Необходимо продолжать собирание рукописей и старопечатных книг. Надо наладить их кодификацию и описание, научное издание и исследование — как частного, так и обобщающего характера. Это позволит определить круг чтения и репертуар книг, имевших распространение среди киргизов на протяжении XV—XIX вв., выявить, какие научные знания и литературные вкусы были у грамотных киргизов в прошлом, какие события и идеи их волновали, каким нравственным образцам они следовали [25]. Тем самым установится реальная связь между культурой киргизского народа в прошлом и настоящем. Невозможно не уважать прошлое, историю народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каниматов А.* Культура возрожденного к новой жизни киргизского народа // Развитие социалистической культуры в союзных республиках. М., 1962.
2. *Данияров С. С.* Становление киргизской советской культуры (1917—1924 гг.). Фрунзе, 1983.
3. *Батманов И. А.* Киргизский язык и письменность до образования киргизской нации // Формирование и развитие киргизской социалистической нации. Фрунзе, 1957. С. 56.
4. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1940. С. 6.
5. *Малов С. Е.* К истории казахского языка // ИАН ОЛЯ. 1941. № 3. С. 99—100.
6. *Плоских В. И., Кудайбергенев С. К.* Ранние киргизские письменные документы // Изв. АН КиргССР. Обществ. науки. 1968. № 4. С. 75.
7. *Карасаева Х. К.* Кыргыз орфографиясынын тарыхынан // Тюркологические исследования: Сб. статей, посвященный 80-летию акад. К. К. Юдахина. Фрунзе, 1970. С. 73.
8. *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967. С. 100—101.
9. История далекая и близкая. Беседа с компетентным человеком // Советская Киргизия. 1988. 26 июня. С. 3.
10. *Азиз Ниалло.* По горным тропам. Памирские путевые заметки. Москва; Ташкент, 1933. С. 5.
11. *Шукуров Дж.* Из истории киргизского языка // Тр. Ин-та языка, литературы и истории. Вып. III. Фрунзе, 1952.
12. *Юнусалиев Б. М.* Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования: Сб. статей, посвященный 80-летию акад. К. К. Юдахина. Фрунзе, 1970.
13. *Маанаев Э., Плоских В.* На «Крыше мира». Фрунзе, 1983.
14. По следам памятников истории и культуры Киргизстана / Под ред. Массона В. М. и Плоских М. В. Фрунзе, 1982. С. 136—137.
15. *Вуд Дж.* Путешествие к верховьям Оксуса. Лондон, 1872. С. 315.
16. *Айтмамбетов Д.* Дореволюционные школы в Киргизии. Фрунзе, 1961.

17. *Валиханов Ч.* Киргизы // Валиханов Ч. Избр. произведения. Алма-Ата, 1988. С. 338.
18. *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827). Фрунзе, 1970.
19. *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В. В. Собр. соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 523—524.
20. Функциональная стратиграфия языка. М., 1986.
21. *Туманян Э. Г.* Язык как система социолингвистических систем. М., 1985. С. 112.
22. *Виноградов В. В.* Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. М., 1963.
23. *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 22—23.
24. *Гухман М. М., Семенюк Н. Н.* История немецкого литературного языка IX—XV вв. М., 1983. С. 133.
25. *Эркебаев А.* Кыргыз элинин революцияга чейинки адабий мурасы жөнүндө // Кыргызстан маданияты. 1988. 21 июля. Б. 5.